

Оглавление

Что услышал Блок в «музыке революции»? (по поэме «Двенадцать») 2	
«Старый мир» в поэме А.А. Блока «Двенадцать»	6
Особенности композиции поэмы А.А. Блока «Двенадцать»	10
Изображение «мирового пожара» — стихии революционного переустройства жизни в поэме А. А. Блока «Двенадцать»	14
Христианские мотивы в поэме А. Блока «Двенадцать».....	17
«Вечные» вопросы и их решение в поэме А. Блока «Двенадцать».....	20
Анализ финальной главы поэмы А. А. Блока «Двенадцать»	23
Тема святости и греха в поэме А. Блока «Двенадцать»	26
Образ революционной эпохи в поэме А. А. Блока «Двенадцать».....	31
Роль символов в поэме А. Блока «Двенадцать»	35

Что услышал Блок в «музыке революции»? (по поэме «Двенадцать»)

В поэме «Двенадцать» А. А. Блок ставил перед собой цель передать атмосферу, царившую в революционной России, стихию русского бунта, который оказывается важным для судьбы страны не только в политическом отношении, но прежде всего в нравственном. 1 апреля 1920 года Блок пишет записку о «Двенадцати»: «В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 года или в марте 1914... Поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни, искусства».

В первой песне поэмы основное действующее лицо — ветер, злой, веселый, беспощадный, вырвавшийся на волю и гуляющий на просторе. Ветер олицетворяет собой неукротимую стихию, образ, часто встречающийся в стихотворениях Блока. Вспомним, что и «Капитанская дочка» Пушкина начинается с образа стихии: белый снег, метель, в которой «чернеется» Пугачев... В поэме «Двенадцать» снежная метель — не столько символической, сколько реальный образ, но он приобретает всемирный размах («на всем Божьем свете»), становится образом «исторической погоды». Блок считал произошедшую революцию «мировым пожаром», всеобщим и неостановимым. Такое понимание революции очень полно отразилось в символике поэмы, в ее образности и художественной структуре. Сюжетную основу произведения составляет мотив движения («идут без имени святого», «вдаль идут державным шагом»). Ветер, буря, вьюга олицетворяют свободу, передают ощущение разбушевавшейся стихии народной жизни. Разрушая старое, всякая стихия неизбежно творит новое: «...из хаоса рождается космос, стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония». Согласно славянской мифологической традиции, стихии — силы творящие. И поэт вслушивался в музыку этих стихий, стараясь понять дальнейший ход событий, который должны закончиться неизбежным

выходом из хаоса. Блок искренне верил, что революция делается для того, чтобы «всё стало новым», и это новое обязательно будет справедливым, чистым и прекрасным, хотя тогда мало кто задумывался, какие конкретные формы примет «светлое будущее». Восторженность интонации вызвана радостью, что стихия вырвалась на свободу. Но куда она вынесет матушку-Русь?! Это вопрос, который не переставал мучить Блока и после окончания поэмы. Неслучайно первая песня заканчивается предостережением: «Товарищ! Гляди в оба!»

Вьюга изначально в фольклоре была связана с бесовством. И уже во второй строфе одиннадцатой главы, где упоминается «незримый враг», внимание читателя акцентируется на «переулочках глухих», «сугробах пуховых». А в двенадцатой главе раздается стрельба. «Трах-тах-тах!». Но она оказывается бессмысленной: «И только эхо /Откликается в домах... / Только вьюга долгим смехом / Заливается в снегах...» Смех вьюги и отклик эха более можно отнести к характеристике врага-антихриста, нежели Христа, так как в русской словесности метельные столбы ассоциировались всегда с бесовскими силами. Хотя Блок в дневнике писал: «Если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь Иисуса Христа». Подтверждается изначально заданная зыбкость границ между светом и тьмой в поэме. Христос текстуально сближается с антихристом. И такое «раздвоение» объясняет то, что Спаситель не благословляет, но и не проклиная «двенадцать». Блоковский Христос идет не с красногвардейцами, а впереди них «Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной».

Произведение построено по принципу симфонизма — гармонического соединения, сочетания обрывков фраз и разговоров, оборванных на полуслове хлестким ветром. «Рваный» ритм стиха соответствует настоящему живым выкрикам из городской толпы. Ощущение реальности происходящего передано ритмической близостью стиха поэмы народному. В 3—5-й главах — песенный и частушечные интонации:

Как пошли наши ребята
В красной армии служить —
В красной армии служить —
Буйну голову сложить!
Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

В 8-й главе мы слышим разбойничью песню, которая сменяется молитвой, что вполне отвечало русскому духу, где истинным праведником становится, как правило, самый большой грешник.

Уж я времечко
Проведу, проведу...
Уж я темечко
Почешу, почешу...
Уж я ножичком
Полосну, полосну!..
Ты лети, буржуй, воробышком!
 Выпью кровушку
 За зазнобушку
 Чернобровушку...
Упокой, господи, душу рабы твоя...

В 9-й главе явно угадываются нотки романса:

Не слышно шуму городского,
Над Невской башней тишина.
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

А уже в 10-й, 11-й главах — это марш:

Разыгралась что-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Темпом неостановимого марша вольница бесшабашной гульбы превращается в организованную революционную волю Маршевым ритмом поэт стремится выразить действенное начало революции:

В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.
Вот — проснется
Лютый враг...
И вьюга пилит им в очи
Дни и ночи
Напролёт...
Вперед, вперед,
Рабочий народ!

Блоком было создано удивительное по жанру произведение — лирико-драматическая поэма. Он виртуозно вплетал в художественную ткань произведения и уличные песни, и торжественные воззвания революции, по сути, открыв дорогу революционной поэзии. Если М. Ю. Лермонтов в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» воскресил русский былинный фольклор, то Блок поэмой «Двенадцать» подарил художественной литературе фольклор революционный. Поэтом двигало желание создать народную поэму, писать по-новому и этим принести пользу обществу.

«Старый мир» в поэме А.А. Блока «Двенадцать»

Поэму А.А. Блока «Двенадцать» можно рассматривать как кульминацию всего его творчества. Мотив иронии автора по отношению к современному «утробному» миру и его «обитателям» пронизывает все произведение. Современный буржуа, чьи интересы сосредоточены только вокруг наживы, был столь ненавистен Блоку, что он, по собственному признанию, доходил «до какого-то патологического омерзения». И в революции поэт видел очистительную силу, способную дать миру новое дыхание, освободить его от власти людей, далеких от духовных устремлений, от идеалов справедливости и человечности, живущих лишь жаждой материальных благ и руководствующихся своими мелкими страстишками. Такое отношение прямо перекликается с евангельской притчей о богатом, которому не войти в Царство Небесное.

Первая глава представляет собой экспозицию поэмы, где показан фон города, его пестрое население. Блок в духе народной шутки описывает обывателей Петрограда, не понимающих происходящего:

Старушка, как курица,
Кое-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загоняя в гроб!

То, что фигуры «старого мира» имеют не человеческие, а животные характеристики, рождает не только у героев поэмы, но и у читателей отношение жалости.

Далее представлен герой, авторское отношение к которому более жесткое, это чувствует по подчеркнuto суровым образам природы, его сопровождающим:

Ветер хлѣсткий!
Не отстаёт мороз!
И буржуй на перекрёстке
В воротник упрятал нос.

С велеречивого литератора октябрьским вихрем словно сорвана маска, и автор, не узнавая, вопрошает: «А это кто?» Образ «грозного обличителя» жалок, он бормочет угрозы, которые вызывают не ужас, а смех. Возвышенное «вития» превращается в гневную, презрительную, уничижительную кличку. Точными, хлесткими словам заклеены все, кто за пустой болтовней пытался спрятать свою пустую жизнь, безгливость по отношению к народным горестям.

А вон и долгополый —
Сторонкой за — сугроб...
Что ныне невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..
Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Уж мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Насмешливо-сочувственно звучит после почти лубочной, веселой раешной картинки авторское:

Ай, ай!
Тяни, подымай!

Наряду с сатирой на «старый мир, вызванной его несостоятельностью, узостью и примитивностью кругозора его представителей, автором предъявляется и более серьезное обвинение этому миру в жестокости. «Страшным миром» в Петьки была отнята возлюбленная, и он мстит за это. Если посмотреть объективно на поступки двенадцати красногвардейцев, то, кроме убийства Катьки, они за все время поэмы никаких других действий не совершают. Нигде не говорится ни о какой-то возвышенной цели, которая бы ими двигала. Постепенно раскрывается авторский замысел: любовь — более понятное и близкое для человек понятие, нежели любая политическая идея. Поэтому весь ужас «старого мира» состоит в том, что в нем убивается любовь, она здесь ничего не стоит.

Еще страшнее, что символом «старого мира» для героев-«товарищей» является «Святая Русь», наделяемая «телесными» атрибутами («толстозадая»). «Старый мир» в поэме также уподобляется «нищему», «голодному» и «холодному» псу. Иногда исследователи указывают на образ «пса» в поэме как на олицетворение сил зла (вспомним гетевского пуделя-Мефистофеля). Но почему «нищий», «голодный» и «безродный» пес для революционной «голытьбы» находится в соседстве с отвергаемым классово чуждым «буржуем»? Возможно, потому что он, как и «старый мир», который еще не готов сдаться, представляет собой угрозу:

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —
Пес холодный — пес безродный...
— Эй, откликнись, кто идет?

Уже в первой главе до упоминания о «двенадцати» на фоне карикатурных фигур старушки, буржуя, писателя-витии, попа звучит призыв: «Товарищ! Гляди / В оба!» Во второй главе впервые появляется образ «неугомонного врага» («Неугомонный не дремлет враг!») и вновь

раздается, а в десятой — звучит угрожающе: «Близок враг неугомонный!» Наиболее сильно мотив тревоги и страха проявляется в одиннадцатой главе поэмы. В пургу красноармейцы слепы, красный флаг застилаем им глаза, дважды упоминается образ «врага»:

Их винтовочки стальные:
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробу пуховые —
Не утянешь сапога...
В очи бьется
Красный флаг.

И хотя звучат обрывки революционных песен, гимна «Варшавянка», ожидание опасности не покидает героев:

Раздается
Мерный шаг,
Вот — проснется
Лютый враг...

И вьюга пылит им в очи

Дни и ночи
Напролёт...
Вперёд, вперёд,
Рабочий народ!

Однако действительно ли в «старом мире» герои видят своего врага? Страх красноармейцев перед этим неведомым врагом в речение поэмы нарастает. Но одновременно герои показаны полными отваги, у них «злоба кипит в груди», они готовы поглумиться над «старым миром» («Эх, эх! / Позабавиться не грех!»). А персонажи «старого мира»

представлены жертвами («Уж я ножичком / Полосну, полосну»). То есть очевидно, что в роли врага они выступать не могут. Наоборот, возмездие «страшному миру» приходит от тех, кого они сам породил.

Блок принял революцию, но не с марксистской позиции (как борьбу угнетателей и угнетенных), а с религиозно-философской, считая, что мир погряз в грехе и заслуживает возмездия. Главный переворот, по Блоку, должен совершиться не извне, а внутри людей. «Мировой пожар в крови» — символ духовного перерождения. С этой точки зрения, революция — это Апокалипсис, Страшный суд, сопровождаемый вторым пришествием Христа. И черное дело «двенадцати», их месть буржуям, сведение личных счетов — орудие в руках Божественного правосудия. А сами они будут погребены под обломками этого «старого мира».

Особенности композиции поэмы А.А. Блока «Двенадцать»

Как мы понимаем идею художественного произведения? Ведь ни один автор не высказывает ее напрямую, как, например, в публицистике. Понять то, что хотел сказать автор, помогает весь строй художественного произведения: и система образов, и развитие сюжета, и, конечно, композиция. Все это справедливо и для поэмы А. А. Блока «Двенадцать».

Одним из композиционных приемов, которые использует А. Блок, является совмещение реального и символического планов. Например, образ ветра. С одной стороны, ветер как примета зимы 1918 года, а с другой — «ветер веселый» олицетворяет собой революцию, которую А. Блок воспринимал как стихию. Приведем еще один пример. Известно, что отряды, патрулировавшие Петроград 1918 года, состояли из двенадцати человек. В то же время число «двенадцать» отсылает нас к библейскому сюжету о двенадцати апостолах. Поэтому можно говорить

о том, что двенадцать красногвардейцев в поэме — это не только историческая примера времени, но и образ глубоко символический.

Еще один художественный прием — кольцевая композиция поэмы. Поэма состоит из двенадцать глав, что также не случайно.

I и XII главы соотнесены между собой. В главе I происходит сужение реального пространства. Сначала это мир:

Ветер, ветер —
На всём Божьем свете!

Но постепенно появляются здания, социальные приметы времени (лозунг «Вся власть Учредительному собранию»), наконец, отдельные прохожие: старушка, «буржуй на перекрестке», «товарищ поп» и другие. Канат между зданиями как бы стягивает реальное пространство.

В последней же главе происходит обратный процесс: пространство начинает расширяться. Причем расширяется не только реальное пространство (из-за выюги пропадают очертания домов, конкретные детали, характеризующие город), но и символическое. На наших глазах паршивый пес превращается в символ старого мира:

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

Действие остальных глав заключено в строгие рамки городских улиц: патруль из двенадцать человек идет по Петрограду.

А. Блок прибегает к сужению пространства, чтобы как можно более полно и объемно показать ту жизнь, которой живет страна после революции.

Расширение же символического пространства автор использует, чтобы событиям, происходящим во внутренних главах, придать вселенский масштаб, а также ввести образ Христа, с которым связаны главная идея поэмы: революция воспринимается А. Блоком как дверь в светлое будущее.

В мировой литературе образ Христа является воплощением чистоты, добра, гуманности. Поэтому мы можем рассматривать заключительную сцену как раскрывающую антитезу, данную в I главе («Черный ветер, черный снег...»):

...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес.
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
...И от пули невредим
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.

Образ Христа является выражением того белого цвета, который мы заметили в самом начале произведения, воплощением светлого будущего, к которому, по мысли А. Блока, ведет революция. Но это будущее пока не видно за вьюгой, за беспорядком, хаосом революционных дней. Отряд — это двенадцать апостолов революции. А голодный пес — символ всего темного, что остается в старом мире, за дверью, за спинами этих солдат.

Однако может озадачить кровавы флаг в руках Христа — не просто красный, а именно кровавый. Чтобы понять мысль А. Блока нам опять-таки следует обратиться к композиции произведения.

Композиционным центром поэмы являются VI и VII главы. В VI главе происходит убийство Карьки. Глава стилистически сумбурна, много возгласов, многоточий, но все перекрывает один призыв:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

А в VII главе мы видим раскаяние убийцы, появляется лирический мотив воспоминания, но в конце уже звучат залихватские крики:

Эх, эх!
...Позабавиться не грех!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

А. Блок показывает, что пролитие крови — событие повседневное для того времени. Нельзя, конечно же, говорить, что автор одобряет пролитие крови. Христос, по мысли А. Блока, принимает на себя всю кровь, пролитую в эти дни, дни революции, поэтому у него в руках кровавый флаг.

Еще один композиционный прием — постоянно меняющийся размер стиха. Этот прием служит для того, чтобы точно передать хаос, царивший в это время в Петрограде. В поэме звучит и мотив марша («Вперед, вперед, рабочий народ!»), и частушки («Эх, эх, попляши! Больно ножки хороши!»), и романса («Не слышно шуму городского...»), и панихиды («Упокой, Господи, душу рабы твоя...»).

Композиция несет важную смысловую нагрузку в произведении и играет одну из главных ролей в раскрытии идейного содержания художественного произведения.

Изображение «мирового пожара» — стихии революционного переустройства жизни в поэме А. А. Блока «Двенадцать»

Революция сродни штурму. Это стихия, меняющая мир. Старое время остается в прошлом, перестает существовать. На смену ему приходит новое время, подобно тому, как день сменяется ночью, а старый год — новым. Часы бьют двенадцать ударов. Одно время кончилось, а другое вот-вот должно начаться.

Александр Блок слышал «музыку революции», звуки нового времени, чувствовал магию эпохи и изложил свои ощущения в поэме «Двенадцать». Это магическое число символизирует связь времен: старого и нового, дня и ночи.

Поэма от начала до конца построена на контрасте: черный вечер, белый снег. Эти цвета противоположны: черный символизирует тьму, пустоту, неизвестность; белый — свет, простоту, открытость.

Цветовая гамма произведения небогата. Лишь три цвета — черный, белый и красный — использует А. Блок в этой поэме. Они меняются, преображаются.

Революция неизбежно несет разрушение, даже крушение старого мира. Блок изображает детали, характерные для дореволюционного общества. Все эти «буржуйские штучки» должны остаться в прошлом. Им на смену приходит «свобода без креста». Олицетворение этой свободы — двенадцать красногвардейцев с бубновыми тузами на спинах. Эта карточная масть — символ неволи, знак заключенных.

Революционный патруль в поэме не выступает в роли двенадцати апостолов. Напротив, красногвардейцы шествуют гордой поступью по ночному городу вовсе не с целью защиты людей:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Вполне возможно, что эти псевдоапостолы — двенадцать самых настоящих разбойников, освобожденных революцией. Они видят единственную цель: установление революционного порядка. И тут все методы хороши: и грабежи, и убийство дорого тебе человека, и отречение от Бога.

У революционеров свой бог. Он появляется в самом конце поэмы. Блок называет этого предводителя Иисусом Христом. Но Бог ли это? Неужели этот предводитель псевдоапостолов, «с кровавым флагом», «в белом венчике из роз», и есть сын Бога?

Имя Иисус в сочетании с противоречивой внешностью (цвет крови и «белый венчик из роз») выдает в предводителе красногвардейцев Антихриста. Ибо только Бог и дьявол способны быть «за вьюгой невидимы» и «от пули невредимы», способны спуститься на землю в час, когда решается судьба не только России, но и всего мира. Ведь большевики открыто мечтают «раздуть мировой пожар».

Двенадцать революционеров приносят горе и страдания не только окружающим, но и самим себе. Петруха убивает свою возлюбленную, потому что неправильно понимает свободу. Для него свобода — это возможность действовать безнаказанно. Он не замечает, как становится убийцей. Поначалу Петьку мучает совесть. Но красногвардейцы не понимают страданий Петьки. Они бессердечны, не видят ничего предосудительного в убийстве ради великой пролетарской идеи.

Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

Будущее люди создают собственными руками, строят его из хрупких кирпичиков человеческих судеб. Но если общество приемлет методы

насилия и террора, то светлого будущего, ради которого свершилась революция, не видать.

Жизнь отдельного человека ничтожно низко ценится в глазах революционеров, она приравнивается к жизни куклы, которой манипулируют сильные мира сего.

Типичный представитель старого мира — «товарищ поп»:

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Любой священнослужитель воспринимает красногвардейцем как буржуй, существо, которому не место в новом мире, ибо он поклоняется другому Богу. Во время революции доминирует коллективное сознание, роль отдельного человека в этом бурлящем, всепоглощающем потоке очень и очень мала.

Человек — это винтик в суровом и жестоком механизме революции. Мы видим на примере Петрухи, как несколько людей манипулируют им, давят не его сознание, на чувства.

Революция губит личность, безвозвратно исчезают сострадание, честность, вера в истинного Бога и в самого себя.

Духовная гибель подчас бывает гораздо страшнее физической, ибо приносит страдания. Боль души ни с чем не сравнима. В духовной смерти человек перерождается. И ничто более не способно растопить лед в его сердце, пробудить совесть и сострадание.

Двенадцать красногвардейцев свои шествием открывают новую эпоху, время страданий и великих испытаний. Скрываясь под масками

апостолов, сподвижников Спасителя, они разрушают старый мир, не создавая при этом ничего взамен.

Идея всеобщего равенства влечет с необычайной силой, затягивает, подобно воронке. Человек, словно одинокий кораблик, движущийся по фарватеру, внезапно оказывается в плену у революционной стихии. Некогда спокойная морская гладь взрывается во внезапном порыва, увлекая всех и вся ко дну.

Революция всегда сопровождается социальным взрывом, кровью и смертями, а жизнь человека слишком ценна, чтобы приносить ее на алтарь революции. И единственный способ вырваться из беспощадной бури — прислушаться к зову своего сердца и решить для себя, нужно ли проходить через такие испытания ради призрачной идеи.

Ведь есть другой способ изменить существующие порядки. Эволюционный путь всегда более эффективен. Не следует разрушать то, что строилось на протяжении долгих столетий. Гораздо лучше использовать исторический опыт, а не ставить недостижимые цели, и тогда людям удастся достойно выйти из всех революционных испытаний и построить наконец, нечто новое взамен разрушенного старого.

Христианские мотивы в поэме А. Блока «Двенадцать»

Исус Христос Блока, идущий впереди отряда красноармейцев, состоявшего из двенадцати человек, остается одной из загадок мировой литературы.

Ведь сам Христос ведет один из отрядов того самого движения, которое было проникнуто глубокой ненавистью ко всему, что связано с религией.

Может быть, это не Христос, а Антихрист?

Сам Блок писал в дневнике: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красноармейцы «недостойны» Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что имен Он идет с ними, а надо, чтобы Другой».

В том же 1918 год появилось произведение Сергея Булгакова «На пиру богов», написанное в виде диалогов платоновского типа. Один из участников диалогов, Беженец, сравнивает двенадцать красногвардейцев из поэмы Блока с апостолами: «Ведь там эти двенадцать большевиков, растерзанные и голые душевно, в крове, «без креста», в другие двенадцать превращаются. Знаете, кто их ведет?» И Беженец декламирует последнее четверостишие поэмы.

Но дальше он говорит, что Блок «кого-то видел, только, конечно, не Того, кто он назвал, но обезьяну, самозванца», то ест Антихриста.

И все же самому Блоку, может быть, действительно и красногвардейцы казались апостолами, и вел их, в его глазах, действительно подлинный Иисус Христос. И цель их поэт видел в том, чтобы уничтожить зло старого мира, чтобы создать новый, мир, быть может, вообще свободный от зла.

Возможно, А. Блок увидел в большевизме как бы новое христианство, способное сделать то, что так и не сделало старое — очистить мир от векового зла. Но большевизм не мог даже близко подойти к этой великой миссии, ибо был основан на насилии.

Апостолов нельзя заменить уголовниками. Поэтому новая «звезда Востока» сожгла не зло, а, наоборот, то доброе, что было в старом мире, без чего сам А. Блок не мог существовать.

Он не пережил своей ошибки. Жизнь автора «Двенадцати» кончилась в тоске и горе.

Сомнения в том, кто же все-таки во главе красновардейцев, отразились и в самом облике этого персонажа. С одной стороны, в руках у этого непонятного существа кровавый флаг, что дает основания считать его Антихристом. Но на голове у него «белый венчик из роз». Белый цвет всегда считался цветом мира. Вспомним Цветаеву:

Белизна — угроза Черноте. Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечом — а лилией в щите.

Тема белизны подчеркивается и другими чертами блоковского Христа — он идет «нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной».

Белизна пронизывает весь облик Христа. Но флаг все-таки кровавый. Этот контраст в конце поэмы как бы перекликается с ее самыми первыми строками, подчеркивающими двойственность всего происходящего:

Черный вечер. Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всём Божьем свете.

Так кто же все-таки шел впереди красновардейского отряда? И еще вопрос: если все же Христос, то шли красновардейцы за ним или стреляли в него, как это предположил М. Волошин?

Блок, наверное, так и не сумел до конца жизни найти ответ на эти вопросы. Может быть, ответ состоит в том, что Христос снова надел терновый венок и пошел впереди зла, чтобы отвести грядущие беды, что принесет революция. Может быть, это он вразумил народы России, и

они отказались от ложных идей. Но для этого должно было пройти более семидесяти лет.

«Вечные» вопросы и их решение в поэме А. Блока «Двенадцать»

Блок писал в 1920 году: «...те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги или друзья моей поэмы». Поэт утверждал подчиненность политического элемента поэтическому, говорил о «капле политики» в поэме и возмущался, что именно эта «капля» оказалась в центре внимания литературных критиков. «Посмотрим, что сделает с этим время», — замечал Блок, надеясь на другое понимание художественного произведения в другие времена, когда «капля политики» не станет убивать «смысла поэмы», но «окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут...»

«Двенадцать» занимает особое положение в творчестве Блока. Споры вокруг содержания поэмы ведутся в литературоведении и поныне, да и сам поэт неоднозначно относился к своему произведению. Бесспорным является лишь то, что события 1917 года не могли и не оставили Блока равнодушным, они с новой силой всколыхнули в нем все те неотвеченные вопросы, которыми он мучился уже давно: как обрести мировую гармонию, где выход для исстрадавшейся России, можно ли найти идеал в действительности? И призывы, гул революции оказались очень близки Блоку: как и он в лирике, революционеры в жизни пытались решить по-новому вопросы мирового масштаба. Издавна чаемое «единство с миром» из области мечты и надежды на глазах поэта переходило в реальность. На миг показалось, что мир перестал быть чуждым, враждебным, бесчеловечным, а явился миром справедливости и свободы. Вот почему с таким небывалым творческим

подъемом откликнулся Блок на судьбоносные для страны перемены. Основой содержания поэмы становится «буря» в море жизни:

Разыгралась что-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!
Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

И в связи с этим Блок не мог остаться в стороне от вечной темы противоборства добра и зла. Антихрист идет по России, наполняя души людей злобой, толкая Петруху на преступление, убийство любимой. От мешает людям осознать свои грехи и прийти к спасению:

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ком всему готовы,
Ничего не жаль...

А Иисус Христос в поэме призван играть религиозно-нравственного суда революции, являться оправданием катастрофе, разворачивающейся на всей земле. Он позволяет этому миру рухнуть под собственной тяжестью. И его присутствие обещает наступление светлого завтра. Иисус находится «над» бушующим миром («невидим», «невредим», «россыпью жемчужной»), «впереди», то есть в будущем, а не перед красногвардейцами. Важно, что спустя три года после написания поэмы Блок твердо повторял: «А все-таки Христа никому не отдам...» Если в романе Пушкина «Капитанская дочка» для главных героев законы нравственности и духовности непоколебимы и в огне испытаний «беспощадного бунта» лишь укрепляются, то в «Двенадцати» нарушаются самые главные заповеди Нагорной проповеди. И остается надеяться на Того, Кто сам «воскресе из мертвых», смертью смерть

поправ и сущим во гробех живот даровав», Кто встанет над стихией зла как последняя надежда на воскрешение добра и Бога в душах людей.

Вообще, попытки сочетать революцию и религию в литературе начала XX века были очень распространены. Так, В. Маяковский в поэме «Облако в штанах» (которая первоначально называлась «Тринадцатый апостол»), несмотря на все богохульства («долой вашу религию...»), видел в появлении Христа выражение подлинного гуманизма и справедливости:

И когда мой голос
похабно ухает —
от часу к часу
целые сутки,
может быть, Иисус Христос нюхает
моей души незабудки.

Герой поэмы С. Есенина «Товарищ» (1917), младенец Иисус, сходит с иконы, потому что к нему обратился с призывом продолжить борьбу погибшего отца «за волю, за равенство и труд» мальчик Мартин. Мартин называет его «товарищем», и для Христа нет сомнения в том, что он выбирает правое и святое дело.

А. Белый пишет в 1918 году поэму «Христос воскрес», где Россия изображается как новая Назаря — родина Христа, которая «прорезывается славами света», а революция, по представлениям поэта, — это «мировая мистерия», мистерия воскрешения Христа, его «второго пришествия»:

Есть —
Воскресение...
С нами —
Спасение...
Исходит огромными розами
Прорастающий Крест!

То есть Блок обратился в своем произведении к вопросам, которые будоражили умы многих, поэт подлинно «жил современностью», имея чуткий слух и понимая ветер времени.

Анализ финальной главы поэмы А. А. Блока «Двенадцать»

В поэме «Двенадцать» Блок хотел добиться правдивого изображения послереволюционного времени со всеми его контрастами, сумятицей, неразберихой. В 12-й главе смешение интонаций достигает своего апогея: здесь присутствуют отголоски всех звучавших в поэме ритмов, обобщенных литературным, книжным по стилю финалом. Дыхание «Двенадцать» как бы вбирает в себя весь мир, и из кажущейся хаотичности складывается живая картина эпохи.

Первая строка главы настораживает: «...Вдаль идут державным шагом...» Из поэмы нам известно, из кого состоит отряд двенадцати красногвардейцев. Им «на спину б надо бубновый туз!», то есть это бандиты. Однако они «идут *державным* шагом». Фраза сближает державу, государство с преступниками. Но возможно, автор хотел выразить ту мысль, что для создания нового мирового государства необходима власть, сила, державность, способные защитить и укрепить уже завоеванное.

Следующая строка одна из самых спорных в произведении: «Кто еще там? Выходи!» Кого же боятся «двенадцать», кто тот безымянный, который машет красным флагом, кто «ходит беглым шагом, хоронясь за все дома»? Можно ли согласиться с мыслью, что это присутствие Иисуса Христа интуитивно чувствуют красногвардейцы, с тревогой бросая в черноту ночи безответные вопросы: «Эй, откликнись, кто идет?..» В ответ им «только вьюга долгим смехом заливается в снегах». Наверное, если и воспринимать образ Христа как враждебный, то в этическом смысле. Да,

он действительно представляет угрозу воскресения таких свергнутых новой моралью понятий, как грех, совесть, раскаяние. И в этом отношении звучащее постоянным рефреном «Революционный держите шаг!» выглядит как заклинание. Эпитетом «незримый» по отношению к образу врага подчеркивается, что он не принадлежит к миру материальному. В поэме не показано, с кем надо воевать красногвардейцам, не с буржуем же, что «в воротник укутал нос», и не с паршивым псом:

Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

Явно, что перечисленные образы не рожают у героев страха. А опасностью в этом контексте становится Тот, Кто тревожит души героев Своими заповедями. Сорвавшееся с губ одного из «двенадцати» «Спасе» заставляет «товарищей» буквально вздрогнуть: «Петька! Эй, не завирайся!» И опять как заградительный заговор звучит: «Шаг держи революционный!» Герои испытывают страх перед Тем, Чей пристальный взгляд они на себе постоянно ощущают, Кого боятся увидеть за каждым сугробом: «Кто в сугробе — выходи!..» Исус сошел на землю, чтобы спасти ее от «двенадцати», попытаться разбудить тех, кто пребывает в духовной спячке, предупредить от растоптания Святую веру и Святую Русь. Он враг красногвардейцев, и это его они так боятся на протяжении всего действия поэмы, выкрикивая для поддержания собственного духа:

— Кто там ходит беглым шагом?..
— Кто там машет красным флагом?
— Кто еще там?
Выходи?..

Именно от страха палят герои из своих винтовок в Святую Русь, а в финале поэмы — и в самого Господа:

Трах-тах-тах!

Трах-тах-тах...

Но тогда возникает вопрос: почему Иисус идет «впереди — с кровавым флагом», символом революции? Правда, об этом хорошо сказал М. Волошин: «Красный флаг в руках у Христа? В этом нет никакой кощунственной двусмыслницы. Кровавый флаг — это новый крест Христа, символ его теперешних распятий».

Фигуру Христа трактовали как символ революционера, символ будущего, языческого Христа, старообрядческого «сжигающего» (имя Иисус, а не Иисус было именно у раскольников), как сверхчеловека, как воплощение Вечной Женственности, как Христоса-художника... И до сих пор, как и в начале века, одни желают видеть во главе не Христа, а Ленина, а чувства верующих оскорбляет явление Христа «под кровавым флагом» впереди всех тех, кто олицетворяет безбожную революцию. Поэт и сам точно не может объяснить роль Иисуса: «Что Христос идет перед ними — несмненно... страшно то, что опять Он с ними... а надо Другого...» Возникает ощущение, что Блок действительно ВСЛУШИВАЕТСЯ в «музыку революции», пытаюсь в этом гуле услышать ОТКРОВЕНИЕ, записать ГОЛОС, а осознание смысла услышанного должно было прийти позже. В его дневниках нет записей, предвещающих создание поэмы, а есть только сделанные уже после ее написания попытки осмыслить, объяснить возникновение образа Христа.

Что значит слово «впереди» — во главе отряда или вдали от него, на расстоянии? Может быть, такая неоднозначность толкования возникла, так как Блок сам не знал ответа? Он слепо отдался стихии вдохновения, стихии времени и спрашивал себя: «Почему — Он? Не знаю...

Пригляжусь — и вижу, что Он...» Это «пригляжусь» соответствует тому, что вьюга, что «Не видать совсем друг друга / За четыре за шага!». Поэтому Он кажется автору то «маленьким, согнувшимся», то вдруг — через несколько слов в дневнике — уже «огромным...». «Трагедия художника»

состояла в невозможности найти адекватный образ для выражения обуревавших его мыслей и чувств. Знаменательна и антитеза: «Позади — голодный пес. <...> Впереди — Иисус Христос». Рифма подчеркнута синтаксическим параллелизмом, который выделяет извечное противопоставление Сатаны и Бога.

Как всякое истинно великое произведение искусства, поэма «Двенадцать» всегда будет интерпретироваться по-разному, открывать нам все новые и новые свои грани. Это обусловлено и тем, что через конкретные образы и приметы времени автор коснулся широчайших философско-исторических и морально-этических проблем, совещенных заревом революции. И финал поэмы с венчающим ее образом Иисуса Христа оставляет у нас надежду на спасение, на присутствие того чуда, которое позволяет жить дальше, несмотря на все трагедии времени.

Тема святости и греха в поэме А. Блока «Двенадцать»

А.А. Блок очень хотел связать с революцией, этим судьбоносным для страны событием, возможность обновления всего мира, его духовного очищения. Искренняя вера в спасительность «мирового пожара» революции нашла отражение прежде всего в поэме «Двенадцать». Поэма была написана на одном дыхании: Блок начал работать 8 января 1918 года, а 28 января уже закончил, после чего в дневнике сделал запись: «Сегодня — я гений». «Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»».

Первые строки «Двенадцати» определяют принцип композиции всей поэмы — контраст черного и белого, старого и нового, тьмы и света, сатиры и героики: «Черный вечер. Белый снег». Контраст мы увидим и в системе образов (голодный пес — Иисус Христос), и в хронотопе, то есть

временно-пространственном построении (позади — впереди), и в деталях (державный шаг — нежная поступь), и в ритмике стиха (в поэме слышится и частушка, и марш, и романс).

Однако все не так однозначно, как кажется. Уже в начальной строфе обращаем внимание на неустойчивость видимого противопоставления, все пошатнулось: «Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер — / На всём Божьем свете!» Границы между тьмой и светом зыбки. Шаткость мира подчеркивается четырехстопным повтором слова «ветер», строкой «На ногах не стоит человек». И эта вселенская неустойчивость становится определяющим мотивом поэмы. Неслучаен переход от универсальных символических образов природы (ветер, снег) к конкретному человеку, обобщенному образу «всякого ходока», который изображается скользящим — «скользко», «скользит». Причем ветер гуляет «на всём Божьем свете», то есть Россия символизирует собой весь мир. На русском человеке особая ответственность — выстоять, не упасть на этом ветру, когда над всей землей «черное, черное небо» и у многих людей «злоба, грустная злоба кипит в груди... Черная злоба, святая злоба...». И так трудно найти твердый путь, верный путь — путь «в тоске безбрежной», путь «сквозь кровь и пыль», к свету, к вере. Таким образом, с начала поэмы заявлена ее основная тема — грандиозная картина борьбы мирового зла и добра. За любовным сюжетом встает зарево «мирового пожара», за петроградской улицей — не только Русь, но и «весь Божий свет», за двенадцатью красногвардейцами — все человечество.

В контексте раскрытия темы святости и греха образ «двенадцати» выглядит особенно интересно. Такие отряды формировались большевиками в Петрограде из рабочего люда, были призваны стать силой пролетарской революции. Как правило, в Красную гвардию отбирались «проверенные» люди, цвет рабочего класса. Нов поэме перед нами вовсе не авангард, а голытьба, которой «на спину б надо бубновый туз» — отличительный знак каторжников. Эти люди вихрем

истории подняты с самых низов. И они взяли на себя всю тяжесть исторического возмездия, все бремя платы за искупление грехов.

Некоторые критики считают, что Блок изначально пытался показать «кошмарно-убийственный характер революции». Но нельзя проигнорировать и строки: «Товарищ, гляди в оба!», «Революционный держите шаг!», «Вперед, вперед,/ Рабочий народ». В душах «двенадцати» смешаны и забубенная удаль, и чувство революционного долга. Причем оба эти начала не просто совмещаются, но противостоят в героях, что вполне отвечает человеческой и социальной природе героев:

Как пошли наши ребята
В красной армии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

С одной стороны, кажется, что красноармейцы, впереди которых Иисус Христос, сравнимы с двенадцатью апостолами. Однако многими критикам подмечается, что образ «двенадцати», рассматриваемый в контексте мотива бесовства, никак не может символизировать библейских героев, несущих всему миру благую весть о возрождении человека к новой жизни. Они творят лишь разрушения на своем пути, потешаясь над христианской святостью:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
В кондовую
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!

Неоднозначной оказывается мораль красногвардейцев и там, где дело касается любви и ненависти, своеобразных «параллелей» святости и греху. После совершенного в ревности убийства Петька восклицает: «Ох, пурга какая, спасе!» Здесь впервые появляется фигура, которая затем получит имя Христа. Но товарищи призывают его не вспоминать «золотой иконостас»:

— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Герои поэмы не разделяют дело революции и Катькину пролитую кровь, говорят обо всем подряд или вперемешку. Петька продолжает идти с ними вместе, уже не отступаясь. Его личная драма разрешается окончательно и бесповоротно, автор больше к этому не возвращается. Однако ощущение трагизма происходящего так и остается с читателем. Продолжает в душе звучать: «Загубил я, бестолковый, / Загубил я сгоряча... ах!» И стоном отдается: «Упокой, господи, душу рабы твоя... Скучно!» Мы чувствуем, что грубые утешения товарищей лишь внешне помогают Петрухе справиться с собой и восстановить державный шаг: «И

Петруха замедляет / Торопливые шаги... / Он головку вскидывает, / Он
опять повеселел...» Веселье это напускное. Неслучайно следующую главу
начинают строки, пронизанные всечеловеческой тоской: «Ох ты, горе-
горькое! / Скука, скучная, / Смертная!»

Так и образ Христа получает двойное истолкование. С кем он? Кого
призван защитить? Некоторые обвиняли Блока в кощунственном
святотатстве, свидетельствующем о том, что поэт «продался» новой
власти, поставив Спасителя во главе революционеров. Другие увидели в
Исусе вождя двенадцати красногвардейцев-«апостолов», который ведет
их революционным путем. Они считали, что Блок воспевал величие и
правоту «революции-бури», несущей возмездие старому миру.
Несмотря на то что герои поэмы идут в бой «без имени святого», «эх, эх,
без креста!», дело, которое они вершат ради будущего всего
человечества, право и свято. То есть Блок «освящает» именем Иисуса
революцию. Христос не напрасно идет «в белом венчике из роз»,
являющемся символом чистоты, святости, непорочности. Если «старый
мир» являет собой зло, мрак, то силы, ему противостоящие, не могут не
быть добрыми, светлыми, святыми. И это даже притом, что поэт не
идеализирует своих героев. Коллективный портрет «двенадцати», этого
отчаянного сброда, содержит в себе все крайности народной стихии —
неуправляемость, бессмысленную жестокость. Однако за «гримасами»
революции Блок видел ее величие. В статье «Интеллигенция и
революция» читаем: «Что же вы думали? Что революция — идиллия?
Что народ — паинька? <...> Что так «бескровно» и так «безболезненно»
разрешится вековая распря между «черной» и «белой» костью?..»
Христос в поэме становится заступником всех угнетенных и
обездоленных, воплощением справедливости, символом революции.
Доказательством это мысли могут послужить строки из стихотворения
Блока 1906 года «Ангел-Хранитель», в котором Христос шел «отмстить
неразумным, кто жил без огня», кто унижал народ.

Поэт стремился отразить короткую переломную эпоху в жизни русского общества, когда размываются понятия святости и греха. Двенадцать красногвардейцев проходят путь от стихийного разгула (кульминацией которого является убийство Катьки) к дисциплинированности и собранности. Герои в финале поэмы уже не грозят старому миру полоснуть ножичком, не поют анархически-разбойных частушек, а действуют более осознанно. В последних главах неоднократно повторяется призыв: «Вперед, вперед, / Рабочий народ!» Вместе с тем в поэме показано, насколько жестоко творится история. Нет оправдания невинно пролитой крови (примером является образ Катьки). И как у Пушкина «бессмысленный и беспощадный» бунт почти так же беспощадно и кроваво карается властью, так и у Блока стихию народного бунта неотвратно сменяет «державный шаг» новой власти. Ведь страшнее самой жестокой тирании безвластие, анархия.

Образ революционной эпохи в поэме А. А. Блока «Двенадцать»

Страшный 1918 год. Позади четыре года войны, Февральская революция, Октябрьский переворот и приход к власти большевиков. Творческая интеллигенция, к которой принадлежал Александр Блок, все эти события воспринимала как национальную трагедию, как гибель Русской земли. На этом фоне явным контрастом прозвучала блоковская поэма, многим его современникам она показалась не только неожиданной, но даже кошунственной. Как мог певец Прекрасной Дамы создать стихи о толстомордой Катьке? Как мог поэт, посвятивший проникновенные лирические стихи о России, написать в страшные для нее дни слова: «Пальнем-ка пулей в Святую Русь?» Вопросы эти были поставлены после первой публикации поэмы «Двенадцать» в газете «Знамя труда». Но и сегодня, спустя почти 80 лет эти вопросы снова встают перед нами, мы вглядываемся в прошлое, пытаемся понять настоящее и предугадать

будущее, понять позицию поэта, продиктовавшую ему строки этого стихотворения.

«Эпиграф столетия» — так называют блоковскую поэму исследователи современности, предлагая различные варианты ее прочтения. В последние годы литературоведы порой пытаются прочесть стихотворение «от противного» и доказать, что это сатирическое изображение революции, а Христос — это на самом деле Антихрист. Однако так ли это?

Наверное, надо вспомнить, что А. Блок предупреждал: не следует переоценивать значение политических мотивов «Двенадцати». Поэма имеет более широкий смысл. В центре произведения — столкновение стихий: природы музыки и стихии социальной. Ведь действие поэмы происходит не столько в Петрограде 1918 года, сколько, как пишет поэт, «на всем Божьем свете». Идет разгул стихийных сил природы, а для поэта-романтика это еще и символ, противостоящий самом страшному — обывательскому покою и уюту. Еще в цикле «Ямбы» (1907—1914) Блок писал: «Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой! Уюта нет. Покоя нет». Поэтому в его душе так созвучна стихия природы, которая передана множеством образов: ветер, снег, вьюга и пурга. В этом разгуле стихий, сквозь вой ветра и пурги А. Блок услышал музыку революции, в статье «Интеллигенция и революция» он призывал: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Многоголосие русской революции отразилось в ритме поэмы — она вся построена на смене музыкально-поэтических мелодий. Среди них и боевой марш, и бытовой разговор, и старинный романс, и частушка (известно, что А. Блок начал писать поэму с поразивших его строчек «Уж я ножичком полосну-полосну»). И за всем этим многоголосием, дисгармонией поэту все-таки слышится мощный музыкальный напор, четкий ритм движения, которым заканчивается поэма.

Стихийна в ней и любовь. Это темная страсть с черными хмельными ночками, с роковой изменой и нелепой гибелью Катьки, которую убивают, целясь в Ваньку, и никто не раскаивается в этом убийстве. Даже Петруха, пристыженный своими товарищами, ощущает неуместность своих страданий: «Он головку вскидывает, он опять повеселел».

А. Блок очень точно ощутил то страшное, что вошло в новую жизнь: полное обесценивание человеческой жизни, которую не охраняет больше никакой закон (никому даже не приходит в голову, что за убийство надо отвечать перед законом). Ведь нравственные понятия обесценились. Недаром после гибели героини начинается полная вакханалия, теперь все дозволено:

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

Не в состоянии удержать от темных, страшных проявлений человеческой души и вера в Бога. Она тоже потеряна, и Двенадцать, которые пошил «в красной гвардии служить», сами это понимают:

Петька! Эй, не завирайся!
от чего тебя упас
Золотой иконостас?..
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

Но убийство творится не только из-за любви, в нем появилась и иная стихия, стихия социальная: в разгуле, в разбое — бунт голытьбы. Эти люди не просто бушуют, они пришли к власти и уже обвиняют Ваньку в том, что он «буржуй». Они стремятся уничтожить старый мир: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...»

И вот тут возникает самый сложный вопрос. Как мог А. Блок прославить этот разбой и разгул, это уничтожение, в том числе и уничтожение культуры, в которой он вырос и носителем которой был сам? Многие позиции А. Блока может прояснить то, что поэт, будучи всегда далеким от политики, был воспитан в традиция русской интеллигентской культуры XIX века с присущими ей идеям «народопоклонства» и ощущением вины интеллигенции перед народом. Поэтому разгул революционной стихии, который приобретал подчас такие уродливые черты, как, например, упомянутые поэтом разгромы винных погребов, грабежи, убийства, уничтожение барских усадеб со столетними парками, поэт воспринимал как народное возмездие, в том числе и интеллигенции за грехи ее отцов. Потерявшая нравственные ориентиры, охваченная шквалом темных страстей и вседозволенности — такой предстает Россия в поэме «Двенадцать».

В том страшном и жестоком, через что предстоит ей пройти, А. Блоку видится не только возмездие, но и погружение в ад, преисподнюю. Но в этом Блок видит очищение России. Она должна миновать это страшное и, погрузившись на самое дно, вознестись к небу.

Именно поэтому возникает самый загадочный образ в поэме, образ, который появляется в финале, — Христос. О финале и образе Христа написано бесконечно много. В исследованиях прошлых лет звучало вольное или невольное стремление объяснить появление Христа в поэме едва ли не случайностью, недопониманием поэтом того, кто должен быть впереди красногвардейцев. Сегодня уже нет нужды доказывать закономерность столь неожиданного финала. Да и предугадывается образ Христа в произведении с самого начала — с названия. Для тогдашнего читателя, воспитанного в традициях христианской культуры, изучавшего в школе Закон Божий, число двенадцать было символическим: двенадцать апостолов, учеников Христа. Весь путь, которым идут герои блоковской поэмы — это путь из бездны к воскресению, от хаоса к гармонии. Не случайно Христос идет

путем «надвьюжным», а в поэтической лексике после намеренно сниженных, грубых появляются прекрасные и традиционные для Блока слова:

Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди — Иисус Христос.

Вот так возвышенно и мелодично завершается поэтический «эпиграф столетия». И в нем, несомненно, вера Блока в грядущее воскресение России и победу человеческого в человеке. Поэт пророчески напоминает о том, что, не имея высоких нравственных идеалов, нельзя силой установить мировую справедливость на крови, насилии и страданиях людей.

Роль символов в поэме А. Блока «Двенадцать»

Отношение Александра Блока к Октябрьской революции было неоднозначным. Он воспринимал ее скорее не как историческое событие, повлекшее за собой смену общественного уклада, а как событие, наполненное мистикой. Как борьбу нового мира со старым. Эта особенность восприятия поэтом революции и отразилась в его поэме «Двенадцать».

Известно, что Александр Блок был одним из талантливейших поэтов-символистов. И в поэме «Двенадцать» революция описана Блоком не прямо, а при помощи символов. Она представляется в виде ветра, ветра перемен, сносящего все старое и несущего новую жизнь.

Черный вечер.
Белый снег.

Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем Божьем свете.

Символы являются в поэме основным средством изображения. Они многообразны и различны, и все глубоки по смысловой нагрузке. Например, старый мир Блок сравнивает с безродным псом.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Старый мир представлен в поэме еще несколькими образами-символами: барыней в каракуле, старушкой, невеселым «товарищем попом», «писателем, витией».

Надо сказать, что символика поэмы «Двенадцать» не только образная, но и цветовая. Черный вечер, черное небо и «черная, черная злоба в груди» — это символы помогают нам со всей остротой представить, какая злоба накопилась у тех двенадцати, которые идут по улице. Черный цвет говорит нам и о жестокости замыслов этих людей, которые готовы из-за своей ненависти на все. Души двенадцати черны, пусты и холодны.

А белый снег — это символ новой жизни, очищения. И что обращает на себя внимание — он падает с черного неба, из черных туч придет из самых «черных» глубин. Из тех глубин душевной пустоты двенадцати, которым «ничего не жаль». Белый цвет используется Блоком для выражения его мысли о способности революции очистить старый мир от всегда грязного — поэт в это искреннее верил.

Блок показывает и двойственность поступков двенадцати. С одной стороны, они идут к новой жизни, к справедливой расправе с «шелудивым псом», с другой стороны, их руки омыты кровью реального человека. Бессмысленное убийство Карьки — еще одно подтверждение полной душевной опустошенности. «Эка тьма!» — говорит один из них. Тьма — это тоже символ, символ тьмы безверия. Недаром они радостно скандируют: «Свобода, эх, эх, без креста!» Что же это за свобода?

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!..
Уж я ножичком
Полосну, полосну!..
Ты лети, буржуй, воробышком!

Но почему же тогда «В белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос?» Этот символ поэмы наиболее сложный. Гумилев, обсуждая с Блоком эту тему, выразил мнение, что это место в поэме кажется ему «искусственно приклеенным». Блок же на это ответил: «Мне тоже не нравится конец... Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос. Но чем больше я вглядывался, тем яснее видел Христа».

Один связывают присутствие в поэме этого символа с оправданием Блоком революции, другие, напротив, утверждают, что он хотел предупредить о ее страшной разрушительной силе. Как бы то ни было, Александр Блок при помощи символа Христа — Бога и посланника Бога, напоминает нам о вечных ценностях: добре, красоте, любви. Они не должны быть забыты людьми в угоду даже самым справедливым социальным деяниям.

Роль символов в поэме Блока «Двенадцать» очень велика. Если их обобщить, мы глубже проникаем в смысл поэмы: это не только борьба

нового со старым, но и более широко — противостояние света и тьмы, добра и зла.

Роль символов в поэме Блока «Двенадцать» очень велика. Если их обобщить, мы глубже проникнем в смысл поэмы: это не только борьба нового со старым, но и более широко — противостояние света и тьмы, добра и зла.

Символы позволяют нам также более явственно почувствовать описанные поэтом события. Удачное художественное воплощение революционных событий в поэме поставило это произведение Блока в ряд наиболее ярких и правдивых произведений, посвященных этой тематике.